

КИЕВСКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ЯРОСЛАВИЧ: ЛИЧНОСТЬ, ПРАВЛЕНИЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

© 2022

Абуков С.Н.

Донецкий национальный университет (г. Донецк, Российская Федерация)

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотреть фигуру киевского князя Всеволода Ярославича в контексте личности, семьи и особенностей правления. На основании источников и их критического анализа автор постарался собрать весь имеющийся материал, чтобы представить этого сына Ярослава Мудрого как человека, а также как главу Руси в сложный период ее развития. Особое внимание уделено связи его княжения с состоянием здоровья. Всеволод Ярославич прожил долгую для своего времени жизнь, пережив всех своих братьев и, очень вероятно, сестер. Киевский князь не был сильной и деятельной фигурой, не удачливый в битвах и предпочитающий договариваться с врагами. Тем не менее, ему удалось расширить свой домен, как и поднять на новый уровень брачные связи своей семьи с европейскими монархами. Всеволод – книжник и полиглот, избегавший земных соблазнов. Его правление нельзя считать успешным, так как серия различных бедствий пришла на последние годы его княжения. Только энергия и доблести сына Владимира Мономаха, князя черниговского, поддерживали его в Киеве. Больной старый князь плохо контролировал систему управления, где власть оказалась в руках его молодых советников, которые оставили о себе дурную славу. Одним из приближенных Всеволода был Дмитр, оставивший надпись на стене киевского Софийского собора. Семья Всеволода отличалась образованностью, что видно на примерах самого князя и его детей. В княжеской семье сохранялись хорошие отношения между сыновьями от разных браков Всеволода и между сыном Владимиром Мономахом и мачехой. После смерти Всеволода его сын не решился занять Киев, так как не имел поддержки, а уступил власть старшему двоюродному брату Святополку Изяславичу, как и планировалось ранее. Фигуры сыновей Ярослава Мудрого, как и Рюриковичей в целом нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании.

Ключевые слова: Всеволод Ярославич; Владимир Мономах; Святополк Изяславич; Дмитр; князь; Русь; власть; престол; Киев; правление; болезнь; советники; половцы; охота; летопись.

KNYAZ VSEVOLOD YAROSLAVICH OF KIEV: PERSONALITY, REIGN, FAMILY RELATIONS

© 2022

Abukov S.N.

Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation)

Abstract. The paper attempts to consider the figure of Knyaz Vsevolod Yaroslavich of Kiev in the context of personality, family and features of rule. Based on the sources and their critical analysis, the author tried to collect all the available material in order to present this son of Yaroslav the Wise as a person, as well as the head of Rus' in a difficult period of its development. Special attention is paid to the connection of his reign with the state of health. Vsevolod Yaroslavich lived a long life for his time, outliving all his brothers and very likely sisters. The Knyaz of Kiev was not a strong and active figure, not successful in battles and preferring to negotiate with enemies. Nevertheless, he managed to expand his domain, as well as raise his family's marital ties with European monarchs to a new level. Vsevolod was a scribe and a polyglot who avoided earthly temptations. His reign cannot be considered successful, since a series of various disasters occurred at the end of his power. Only the energy and valor of Vladimir Monomakh's son, Knyaz of Chernigov, supported his father in Kiev. The sick old knyaz had little control over the management system, where the power was in the hands of his young advisers, who left a bad name about themselves. One of Vsevolod's confidants was Dmitr, who left an inscription on the wall of the Kiev St. Sophia Cathedral. Vsevolod's family was distinguished by education, as can be seen from the examples of the knyaz himself and his children. The princely family maintained good relations between the sons from different marriages of Vsevolod and between the son Vladimir Monomakh and the stepmother. After Vsevolod's death, his son did not dare to occupy Kiev, as he had no support, but ceded power to his elder cousin Svyatopolk Izyaslavich, as previously planned. The figures of the sons of Yaroslav the Wise, as well as Rurikids as a whole, need further comprehensive research.

Keywords: Vsevolod Yaroslavich; Vladimir Monomakh; Svyatopolk Izyaslavich; Dmitr; knyaz; Rus'; Rurikids; power; throne; Kiev; rule.

Политическая история Древней Руси и правление киевских князей XI в. более или менее освещено источниками, но оценить личностные качества древнерусских князей, как и их семейную жизнь, крайне сложная задача, так как они редко отражались в летописях, которые предпочитали обходить подобные

щекотливые темы, поэтому характер и личная жизнь Рюриковичей во многом покрыта тайной. Отдельные штрихи, как бы мимоходом попавшие в источники, не создают целостной картины у историков. Даже посмертные панегирики, скорее, дань памяти умершему, чем подлинное отражение его личности. Ген-

денциозность летописцев и их последующих редакторов в пользу кого-то из Рюриковичей способно существенно исказить даже то немногое, что мы знаем о древнерусских князьях. К этому следует добавить известную андроцентричность древнерусского восприятия женщины, которая выступала как производная от своего отца или мужа, в результате чего мы часто не только не знаем происхождения жен Рюриковичей, но даже их имен.

Сложность проблемы, обусловленной скудостью источникового материала для анализа, объясняет слабый интерес среди исследователей, которые больше интересовались глобальными проблемами Руси, политической историей или генеалогией, чем межличностным отношениям в семьях древнерусских князей или особенностями их личности, как и их окружением.

Попробуем рассмотреть отношения в семьях древнерусских князей на примере одного из сыновей Ярослава Мудрого Всеволода (1030–1093). Внимание к данной персоналии понятно. Во-первых, этот князь достаточно долго занимал киевский стол, завершив первое поколение Ярославичей. Во-вторых, Всеволод Ярославич – отец одного из самых известных князей домонгольского периода – Владимира Мономаха, интерес к которому обусловлен масштабом его личности. В-третьих, он стал родоначальником самой многочисленной и влиятельной линии Рюриковичей – Мономашичей, что любопытно с точки зрения изучения их истоков. К тому же, период XI в. важен как время зарождения традиции рода Рюриковичей, что в какой-то мере заложило основы их дальнейших семейных отношений. Для решения такой непростой задачи постараемся привлечь имеющийся источниковый материал, включая граффити и сфрагистику. Вообще, любое проникновение в межличностные связи или семейные отношения древнерусских князей ценны в контексте изучения истории Руси в целом, так как затрагивают ее международные, внутривосточные и социальные аспекты.

Касаясь историографии данной проблемы, следует отметить, что дореволюционные историки в фундаментальных трудах повторяли или пересказывали известные пассажи из «Повести временных лет» под 1093 г. на смерть Всеволода Ярославича: В.Н. Татищев [1, с. 98]; Н.М. Карамзин [2, с. 63]; М.П. Погодин [3, с. 107]. В то же время уже С.М. Соловьев дополнил летописное известие мнением о составе окружения Всеволода [4, с. 356]. Свои мысли о характере правления этого киевского князя затем сделал целый ряд историков: М.Д. Приселков [5, с. 283], М.С. Грушевский [6, с. 80–81], А.Е. Пресняков [7, с. 48–51], Б.Д. Греков [8, с. 499], Г.В. Вернадский [9, с. 102], П.П. Толочко [10, с. 94], А.П. Толочко [11, с. 34–35], Н.Ф. Котляр [12, с. 24], С.Э. Цветков [13, с. 97–98] и др. Причем, если одни исследователи ограничивались отдельными конкретными замечаниями о разных сторонах деятельности Всеволода, то другие отмечали переходный период его княжения в развитии Руси. Наиболее комплексно, несмотря на генеалогический характер своего исследования, о Всеволоде написал Л.В. Войтович [14, с. 315–318]. Тема правления Всеволода, как видим, привлекала российских, советских и украинских историков. Надо сказать, что спектр оценок конца киевского княжения Всеволода

Ярославича был весьма отличен, о чем будет сказано ниже. Что же до семьи Всеволода Ярославича, то этого вопроса касались как некоторые выше названные исследователи, так и другие непосредственно занимавшиеся гендерной проблематикой (Л.Е. Морозова) [15], в том числе в генеалогической плоскости (Н. Баумгартен) [16]. Как отмечалось выше, учитывая скудость нарративного материала, большое значение имеют другие виды источников, а именно граффити киевского Софийского собора (С.А. Высоккий, А.А. Зализняк) [17, с. 18–24; 18, с. 258–262] и материалы сфрагистики (В.Л. Янин) [19].

Как известно, после смерти Ярослава Мудрого его преемником стал старший из живых сыновей Изяслав, в то время как его следующие по старшинству братья Святослав и Всеволод занимали соответственно черниговский и переяславский столы. Но трое старших Ярославичей после многолетнего триумвирата рассорились, и черниговский князь Святослав с переяславским князем Всеволодом изгнали брата Изяслава из Киева, не посмотрев ни на единое происхождение, ни на слова отца. Впрочем, Ярославичи избегали кровавых эксцессов, как поколение их отцов и дедов. После смерти в битве с племянниками Изяслава Ярославича, Всеволод, как уже единственный из сыновей Ярослава Мудрого стал киевским князем (1078–1093) [20, стб. 204].

Он родился в 1030 г., о чем есть летописное известие [20, стб. 149]. Патрональным святым князя, судя по материалам сфрагистики, был Андрей Первозванный [19, с. 15]. Можно предположить, что он родился около дня его памяти – в конце ноября – начале декабря [21]. Полагают, что наречение князя крестильным именем в честь апостола стала результатом распространения на Руси его культа и его почитания [22, с. 10]. Правда, возможно, что князь чтит не только Андрея Первозванного, но и всех своих небесных тезок, включая Андрея Стратилата и Андрея Критского [23, с. 216].

Не пытаясь нарисовать его психологический портрет, что было бы несколько смелым и выходящим за рамки поставленной темы шагом, отметим несколько черт князя, о которых говорят нам источники. Всеволод как правитель не кажется ни сильной, ни амбициозной, ни деятельной фигурой. Достаточно вспомнить, что в 1073 г. он дал, по словам летописца, себя уговорить брату Святославу Черниговскому свергнуть с киевского престола старшего брата Изяслава Ярославича. В 1077 г. Всеволод Ярославич после смерти брата Святослава, не пережившего операционного вмешательства, уступил скитавшемуся по Европе Изяславу киевский стол [20, стб. 182–183, 199]. Судя по описанию летописцем конца его правления, складывается представление, что он, как пожилой человек, много болел, отстранился от дел, поручив их малосведущим молодым людям из своего окружения, злоупотреблявшим его доверием. В итоге во власти воцарились произвол и мздоимство. Управление государством пришла в упадок, что причиняло много бед простому народу. Недуги великого князя занимали все его внимание, и он не знал, что происходит на самом деле. Летописи традиционно ничего не говорят, какие именно болезни поразили в последние годы Всеволода Ярославича,

но видно, что они лишили его возможности полноценного правления.

Именно с этими «молодыми людьми» киевский князь советовался по важным вопросам [20, стб. 216–217]. С.М. Соловьева смутила такая привязанность Всеволода, и он предположил, что под «молодостью» летописец подразумевал не возраст, а невысокий социальный статус его главных советников [4, с. 356]. Сам историк настаивал, что в иных исторических двусмысленностях необходимо выбирать наиболее очевидное объяснение. В то же время Д.С. Лихачев в своем переводе этой части текста «Повести временных лет» на основе чтения Лаврентьевской летописи настаивал именно на младшем возрасте [24, с. 140]. Правы, как представляется, оба исследователя. Речь действительно идет о младших членах дружины незнатного происхождения, с которыми киевский теперь обсуждал государственные дела. При этом эти новые советники, как видно, из контекста были людьми молодого возраста. Они, как пишет летописец, настаивали Всеволода против его старших дружинников-бояр. Борьба сторон, или даже конфликт поколений, вероятно, создавали весьма напряженную атмосферу в окружении большого киевского князя.

В связи с этим заслуживает особого внимания граффито в центральном нефе Софии Киевской, где некий Дмитр с почтением сообщает о погребении в страстной четверг 14 апреля князя Андрея, а себя называет «отрочька его» [17, с. 18–24]. С.А. Высоцкий по совпадению числа и церковного дня установил, что речь идет о Всеволоде Ярославиче, упомянутом по своему крестильному имени. Он же назвал автора надписи киевлянином [17, с. 24]. А.А. Зализняк, подробно разобрав это граффито, посчитал его дружинником князя («отрочькъ»), что представляется более верным [18, с. 261]. Однако по самоопределению – это не просто дружинник, а один из близких людей покойного князя, записавший в храме печальную весть о смерти господина. Не был ли этот Дмитр одним из тех любимчиков, о которых пишет летописец?

Всеволод явно не ратоборец, хотя и был участник войн с торками и половцами, с полоцким князем Всеславом и с докучливыми племянниками, которые требовали себе волостей [20, стб. 163, 166–167, 200, 201]. Лично сам князь выиграл только одну битву в 1055 г. с торками еще будучи переяславским князем, да и сам противник, теснимый половцами, возможно, был не так силен. Будучи киевским князем, он предпочитал договариваться, в частности, с половцами, которым платил за мир. Вообще, воинская доблесть – одно из главных качеств, которое ценилась в Рюриковичах, но не была свойственна Всеволоду. При том, что первые представители династии вообще были предводителями дружины. В связи с этим как насмешка выглядит восприятие Всеволода Ярославича как Хольти Смелого в скандинавских сагах, если это отождествление все-таки верно [25, с. 67]. Всеволода Ярославича считают адресатом двух писем византийского императора Михаила VII Дуки из списков императорского советника М. Пселла еще до его киевского княжения [26, с. 3–8]. Вопрос этот нельзя решить однозначно, так как имя православного правителя, к которому обращается василевс с предложением

союза и родства, не называется. Описанные добродетели вполне можно отнести на счет русского князя, но смущает умолчание о его греческом браке, зато присутствует настойчивое желание породниться [27, с. 28–33].

Мы не знаем точно причин расправы степняков с его племянником Романом Святославичем и заточения в Византию брата Романа Олега, но их устранение было выгодно Всеволоду, который избавился от двух весьма беспокойных родственников, требовавших себе «части» в Русской земле [20, стб. 204]. Так или иначе, как предшественники и преемники на киевском столе, Всеволод значительно расширил свой собственный полученный от отца домен, объединив под своей властью «Русскую землю» (Киев, Чернигов и Переяслав), а к концу правления распространил власть своей семьи на Новгород.

В качестве позитивных в понятиях современника черт правителя говорится, что Всеволод был нищелюбец и жертвователю монахам. Действительно, он развернул бурную деятельность по строительству церквей и монастырей в Киеве и Переяславе [10, с. 94; 13, с. 96–97]. При его власти и, как думается, не без его одобрения в Переяславе владыкой Ефремом было построено даже такое экзотическое для Руси сооружение византийского происхождения, как каменная, богато украшенная баня, остатки которой, как предполагают археологи, были найдены в ходе раскопок в городе [28, с. 34–35].

Настоящей опорой Всеволода был его старший сын Владимир Мономах. Именно он ходил в походы на противников отца, то есть выступал военной составляющей его власти. Н.Ф. Котляр полагал, что сын выступал соправителем отца, а их правление оценивал, как «дуумвират» [12, с. 24]. А.В. Назаренко более осторожно писал про «единовластие Всеволода (1078–1093), осложненное не вполне отчетливыми элементами соправления то с племянником Святополком Изяславичем, то с сыном Владимиром Мономахом» [29, с. 506]. Однако, едва ли это так. «Соправление», как мы знаем на примерах киевских князей XI–XII вв., подразумевало совместные действия, княжение в столице или одного из «дуумвиров» на Киевщине, но Мономах правил в Чернигове и бывал в Киеве только наездами. Никаких фактов о совместном правлении отца и сына из источников мы не знаем. Тем более, трудно считать, что верный сын, исполнявший приказы отца, тем «осложнял» годы его верховной власти. За все почти 15-летнее правление на киевском столе Всеволод Ярославич лично совершил только один поход на Перемышль в 1087 г., но он окончился ничем, если не считать татищевских дополнений, которые опять-таки ничего не прибавляют к славе великого князя [30, стб. 199; 1, с. 96]. Что касается племянника Святополка Изяславича, большую часть киевского княжения Всеволода, сидевшего на столе в Новгороде, то мы нигде не видим его участия в государственных делах вместе с дядей даже после занятия им Турова или исполнения каких-то властных прерогатив. Засилье в окружении Всеволода неких людей и отсутствие контроля за их деятельностью также говорит об обратном.

Похоже, что князь был большим книжником, иначе зачем ему нужно было выучить целых пять иностранных языков [20, стб. 216, 246]. Последнему

факту мы обязаны его сыну, который несомненно с гордостью упомянул об этом. По поводу языков, которые выучил Всеволод, существует только догадки. Если предположить, что они имели семейное значение для общения с родственниками и необходимыми были киевскому князю в его практической деятельности, то, как кажется, эти пять были: шведский (язык матери), греческий (язык жены, впрочем, он мог знать его с детства), половецкий (язык опасных соседей, с которыми на протяжении почти четырех десятков лет приходилось иметь дело); латынь (язык образованной Европы) и еще некий пятый, который мог быть языком кого-то из соседей Руси. Иногда ученые высказываются в пользу англосаксонского (языка невестки), но это представляется маловероятным, так как ни о каких отношениях с нормандской Англией не известно, а сама Гида, дочь убитого в 1066 г. короля Гаральда II, до прибытия на Русь проживала в Дании [29, с. 523]. Также в гипотетическом перечне упоминается немецкий [14, с. 318]. Такое предположение не лишено своей логики, если Всеволод не только читал на иностранных языках, но и хотел пообщаться на родном с немецкими посланцами, с женой брата Святослава или с женой племянника Ярополка Изяславича, которые были немками. Тогда таким языком мог быть и польский, так как невесткой, женой брата Изяслава, была княжна из рода Пястов [29, с. 514, 526, 542]. В любом случае, многоязычие – это редкий дар среди правителей [31, с. 461].

Летописец в свою очередь превозносит добродетели Всеволода и настойчиво подчеркивает привязанность к нему отца Ярослава Мудрого. Последние чувства родителя были вызваны еще двумя добродетелями сына: трезвостью и воздержанием [20, стб. 216]. Можно подумать, что иные Ярославичи в этих вопросах отличались от брата в худшую сторону. Никоновская летопись XVI в. добавляет в число достоинств этого князя умеренность в еде, но трудно сказать, является ли этот факт дополнением ради «красного словца» или отражением реальности [32, с. 119]. Вообще, такой яркой характеристики, как и привязки к отцу Ярославу Мудрому не удостоился никто из его сыновей.

В духе панегирика выглядит и летописное предсказание Ярослава о наследовании власти Всеволода после братьев (подчеркивается – ненасилием) и его погребении рядом с ним в киевской Софии, как и указание на любовь к нему отца больше, всех прочих сыновей [20, стб. 216]. Кстати сказать, Всеволод проживший неполных 63 лет, самую долгую жизнь среди всех семи сыновей Ярослава Мудрого и, скорее всего, пережил и всех сестер. По меркам времени умер уже стариком, хотя и меньше, чем отец и старший сын [33, с. 66].

Его сын Владимир Мономах упоминает в поучении, что охотился вместе с отцом «на всякого зверя» [20, стб. 251]. И в летописи сказано, что еще за два года до смерти Всеволод «ловы деюща звериные» за Вышгородом [30, стб. 205]. Охота – довольно распространенная среди русских феодалов забава, известная на Руси с X в. [20, стб. 74]. В этом отношении Рюрикovichи не отличались от своих иноземных собратьев. Помимо киевской резиденции Всеволод располагал «красным двором» за городом в Выдуби-

чах, который сожгли половцы во время нападения в 1096 г. [30, стб. 223].

В то же время, нам трудно найти в летописях более яркого описания связи немощи князя с его неспособностью полноценно править. Это еще более выпукло представляется на фоне летописный известий о тех бедах, которые постигли Русь в последние годы его правления: нашествие половцев, которые взяли три города, эпидемия, в результате которой за 3 месяца умерли 7 тысяч человек, сильнейшая засуха 1092 г. В ранних обществах это пример утраты правителем своей магической силы в глазах подданных [11, с. 16–17]. Кстати, все эти несчастья подкрепились пугающими небесными и потусторонними явлениями, которые выпали на начало 90-х гг. XI в. [30, стб. 205–206]. Летописцем они однозначно воспринимались как «Божий перст» и предвестники беды, включая смерть правителя [34, с. 106, 109]. Собственно, и об охоте великого князя мы узнали благодаря тому, что в это время на землю упал крупный метеорит [35, с. 130].

Всеволод вынужден был пойти на выделение родным и внучатым племянникам волостей, которые стали перерастать в отдельные владения, хотя он в начале и пытался противостоять этому процессу. «Слишком мягким» называет его Л.В. Войтович [14, с. 318]. Некоторые историки считали наивным объяснение летописца неспособность Всеволода сохранить единство Руси перед напором князей-изгоев его состоянием здоровья [8, с. 499]. Кажется, здесь совпали две причины. По крайней мере, нельзя сбрасывать со счетов человеческий фактор, а именно телесные недуги великого князя усугубили активность центробежных сил. Мы знаем о Всеволоде Ярославиче со слов летописца и его сына, но как оценивали князя его приближенные? В уже упомянутом граффито Дмитра князь назван «благим» [17, с. 21]. Вероятно, так он воспринимался близкими людьми, многим ему обязанными.

Как может показаться, летописец постарался объективно представить разные стороны киевского князя и пояснить причины возникших проблем в годы его княжения. В связи с этим любопытно, что в начале XII в. «Повесть временных лет» не раз пережила редактирование, в том числе в 1116 г. при Владимире Мономахе игуменом Сильвестром из основанного Всеволодом Выдубицкого монастыря, близкого его семье, который потом не без содействия Мономаха занял переяславскую кафедру [36, с. 139]. Тем не менее, о княжении Всеволода сохранилась и такая явно негативная часть. Собственно, современники хорошо помнили все перипетии правления Всеволода и подобное объяснение лет его власти могло вполне устроить редактора. Фактически, при таком подходе виновник несчастий не князь, а дурные советники [9, с. 102]. С другой стороны, мы не можем сказать, что было написано самим автором ПВЛ до редактирования [37, с. 28]. Но и Киевская летопись, продолжившая ПВЛ, конечным редактором которой выступил игумен того же монастыря Моисей (1198 г.) при праправнуке Всеволода киевском князе Рюрик Ростиславиче сохранил текст о предке [38, с. 60]. При этом очевидно стремление авторов и редакторов ПВЛ превознести киевского князя. Итак, в сухом ос-

татке мы имеем добродетельного правителя и печальный конец его княжения.

Правление Всеволода нельзя признать успешным, и тем более говорить о том, что киевский князь умер в «зенице славы» [14, с. 317]. Но не правы и те историки, которые пишут о неудачной не только внутренней, но и внешней политике [9, с. 102]. Князь явно укрепил свои европейские связи и выдал свою дочь за первого монарха Европы – императора Священной Римской империи Генриха IV. Судя по богатому приданому, включая диковинных для Запада верблюдов, он придавал большое значение этому браку [39, с. 59–61]. Учитывая, что дочь уже находилась в Германии и осталась вдовой после первого брака с саксонским маркграфом, то Всеволод специально отправил ценности, чтобы поддержать статус дочери перед заключением нового престижного брака [29, с. 539–541]. Иное дело, что сам русско-немецкий матримониальный союз закончился известным грандиозным скандалом европейского масштаба, но ни киевский князь, ни его дочь были в этом не виноваты. Вероятно, что еще при жизни Всеволода состоялся брак его старшего внука Мстислава с дочерью шведского короля Инге Стенкильссона Кристины [40, с. 71–73]. На некоторых печатях Всеволода с греческой надписью, он титуловался «архонтом вся Руси» [41, с. 20–21].

От двух браков с гречанкой и неизвестной по происхождению, которая была младше мужа, Всеволод оставил не менее шести детей: двух сыновей (Владимир и Ростислав) и четырех дочерей (Янка-Анна, Екатерина, Евпраксия-Адельгейда и неизвестная по имени) [16, р. 22]. Так как вопрос происхождения его жен, их имен, времени их заключения браков и детей в каждом из них является дискуссионным и будет рассмотрен нами отдельно, здесь важно рассмотреть общий характер отношений. Видимо, известная религиозность детей киевского князя (три дочери в конечном счете постриглись в монахини), как и их образованность, восходит к семье. По крайней мере, мы точно можем говорить об этом применительно к детям от первого брака Всеволода Владимиру и Янке (Анне). Возможно, что Мономах располагал библиотекой и священными реликвиями династии [42, с. 148–156]. Для нас важно, что ими мог владеть уже Всеволод. Возможно, князь тяготел к греческой культуре. По имеющимся фактам можно утверждать, что семьи трех старших сыновей Ярослава Мудрого Изяслава, Святослава и Всеволода были достаточно образованными, что восходит к образовательной политике его отца.

Владимир Мономах, один из самых знаменитых древнерусских князей, был исполнительным и верным сыном своего отца, совершив в 1076–1093 гг. много походов в интересах киевского князя и собственно себя самого. Можно сказать, что в этом не было ничего необычного, если бы среди Рюриковичей не имели место серьезные конфликты между отцами и детьми: от ослушания (Андрей Боголюбский) [30, стб. 482] до открытого неповиновения (галицкий княжич Владимир Ярославич [30, стб. 564] или ростовский князь Константин Всеволодович) [43, с. 117]. На основании поучения Мономаха детям и его письма Олегу Святославичу перед нами предстает человек, глубоко религиозный и начитанный в Святом

писании, а это признак высокого образования времени [44, с. 145–148]. Среди прочих достоинств Мономаха были храбрость, мудрость, мобильность, милосердие, требовательный к себе и т.д. [20, стб. 240–256]. Это некий идеал правителя. Велика его заслуга – борьба с половцами, что принесло ему огромную популярность. Его яркая фигура заслонила образ его отца. Впрочем, когда речь шла о власти или о расширении домена своей семьи Владимир Всеволодович был совсем другим.

Янка (Анна) (60-е XI в. – 1112 г.) была одной из самых интересных женщин своего времени, имевшей тесные связи с Византией [30, стб. 200]. Княжна, так и не вышедшая замуж, по татищевским данным, рано постриглась в монахини, основав монастырь и школу для девочек [1, с. 95, 96]. О ее деятельности достаточно много написано [15]. Вероятно, она знала греческий язык. Похоже, что Янка, прославившаяся своей образовательной и религиозной деятельностью, также что-то почерпнула из собственной семьи.

Всеволод смог привить старшему сыну от первого брака уважение к мачехе, и обеспечить вдову высоким социальным статусом и богатством. Оба единороковых сына Всеволода Владимир Мономах и Ростислав вместе участвуют в походах, демонстрируют привязанность друг к другу, что не всегда можно наблюдать в семьях Рюриковичей, где между сыновьями от разных матерей случались конфликты [45, с. 41–43]. Мономах, если верить летописцу, оплакивал гибель брата [20, стб. 220]. С другой стороны, цинизм времени заключался в том, что безымянная смерть одного из князей освобождала стол для его ближайших родичей. В данном случае речь идет о таком важном столе как переяславский, который достался в итоге Мономаху.

Несколько иным предстает сын Всеволода от второго брака Ростислав, названный в одной весьма поздней летописи «свирепым» [46, с. 64]. Такой эпитет он заслужил за расправу над печерским монахом святым Григорием, подробно изложенную в Киево-Печерском патерике [47, с. 137–138]. Это произошло почти сразу после смерти Всеволода. Все началось с того, что отроки князя в его присутствии стали грязно ругать Григория у монастыря на берегу Днепра, куда святой пришел за водой, чтобы очистить сосуд, куда упало некое животное (мышь?). Преподобный предсказал им скорое утопление вместе с князем. Это услышал Ростислав, который хорошо преодолевал водные преграды, и в ярости приказал связать и утопить Григория, привязав еще к нему камень. Судя по житийному контексту, убийство случилось перед гибелью князя, который действительно утонул в Стугне в мае 1093 г. после проигранной битвы с половцами [20, стб. 220]. Трудно сказать, на сколько виновен был младший сын Всеволода, на самом деле прибывший в тот день помолиться в Печерский монастырь. Горе его матери, вдовы Всеволода, по случаю гибели единственного сына нашло отражение не только в летописи, но и в «Слове о полку Игореве» [30, стб. 211–212; 48, с. 55]. Не менее любопытна та всеобщая скорбь, описанная летописцем: «вси людье пожалиша си по немь повелику оуности его ради», что несколько диссонирует с приведенным инцидентом с Григорием Печерским.

Когда состояние здоровья Всеволода Ярославича совсем ухудшилось, он послал за старшим сыном в Чернигов, который собственно застал с братом отца уже при смерти. Всеволод Ярославич скончался 13 апреля 1093 г. [20, стб. 215–216]. Предложенное А.А. Зализняком дополнительное прочтение уже дважды упомянутого граффито Дмитра сообщает, что князь умер «по обеде», то есть в полдень [18, с. 258–262]. Б.А. Рыбаков в духе советской историографии считал, что ситуация к концу его правления обострилась до социального кризиса, которое могло привести к восстанию [49, с. 114]. Всеволод был похоронен, как отмечалось выше в Софии Киевской. М.Д. Приселков полагал, что это было сделано за заслуги перед церковью [5, с. 160]. Однако мы помним, здесь был похоронен его отец и, возможно, старший брат Изяслав (на этот счет существует отдельная дискуссия), сыновья Ростислав и Владимир Мономах и внук Вячеслав Владимирович [50, с. 19, 30].

А.Е. Пресняков предположил, что старший сын был вызван отцом в Киев, чтобы обеспечить переход верховной власти от Всеволода к нему [7, с. 391]. Наоборот, М.Б. Свердлов вслед за В.А. Кучкиным считали, что договоренность о передаче Киева Святополку Изяславичу после дяди была достигнута еще за несколько лет до смерти Всеволода [51, с. 469–470]. Летопись нигде не говорит о таком соглашении. Однако, как можно увидеть, Всеволод сделал ставку на союз с сыновьями Изяслава, отстранив от гипотетического наследования отчины и Киева потомков Святослава Ярославича. Как можно подумать, в рамках этого соглашения Святополк, как будущий преемник, и перебрался в 1088 г. из далекого Новгорода поближе к Киеву в Туров. Владимир Всеволодович в любом случае прибыл бы к умирающему отцу из Чернигова.

Сразу после смерти отца Мономах не решился занять стол мимо старшего двоюродного брата Святополка. Как видно, это диктовалось не благородными чувствами. Летописец через такую редкую форму как внутренняя речь – интересный повествовательный прием, объясняет его благородные мотивы [52, с. 47]. Однако, за этим скрывалось иное: неуверенность Мономаха в возможности легитимизировать и отстаивать свою власть. Действительно, в начале 90-х годов XI в. о популярности Мономаха не приходится говорить, а негатив от правления его отца был еще свеж и общеизвестен. Неясность наследования киевского стола некоторое время сохранялась. Б.А. Рыбаков считал, что сильную оппозицию Мономах встретил в лице киевского боярства, недовольного политикой его отца [49, с. 114–115]. Здесь мы вновь возвращаемся к теме конфликта групп в окружении киевского князя. Похоже, что и влиятельная в таком вопросе киевская община также выступила против его кандидатуры [53, с. 55]. Все это были итоги правления его отца. Мономаху ничего не оставалось как уступить и отправить послов к Святополку в Туров с приглашением на стол. Только спустя 10 дней после погребения дяди, 24 апреля Святополк Изяславич прибыл в Киев (как не велико было расстояние между городами) и сел на столе, а Мономах вернулся в Чернигов [20, стб. 217–218]. Мономах сделает выводы, чтобы триумфально занять киевский стол спустя 20 лет.

Спустя 4 года на исторической сцене появляется вдова Всеволода, которую пригласили вместе с митрополитом в период острого конфликта между его пасынком и киевским князем Святополком в 1097 г. помирить их [20, стб. 263–264; 30, стб. 237–238]. Здесь прямо сказано, что Владимир почитал мачеху как мать в память об отце. В общем, складывается впечатление об уважительных и родственных отношениях. Посредничество главы церкви и княгини достигло успеха.

В еще одной надписи в 14 строк в Апостольском приделе киевского Софийского собора упоминается крупная сделка на покупку земли «княгиней Всеволожей», которую С.А. Высоцкий назвал женой киевского князя Всеволода Ольговича [17, с. 60–71]. Б.А. Рыбаков аргументировал, что речь идет о жене Всеволода Ярославича [38, с. 415–417]. Если мы согласимся, что свидетелями ее сделки в этом же граффито были представители жены Изяслава Ярославича и Янки, дочери Всеволода Ярославича, то перед нами вырисовываются некие добрые отношения между женской половиной правящей династии [54, с. 134]. Княгиня умерла 7 октября 1111 г. и была похоронена в Андреевском монастыре, основанном супругом [30, стб. 273].

Подводя итоги, можно сделать несколько выводов. Всеволод Ярославич прожил долгую для своего времени жизнь, очень вероятно, пережив всех братьев и сестер. Киевский князь не был сильной и деятельной фигурой, удачливой в битвах, предпочитая договариваться с врагами. Тем не менее, ему удалось расширить свой домен, как и поднять на новый уровень брачные связи своей семьи с европейскими монархами. Всеволод – книжник и полиглот, избегавший земных соблазнов, строитель церквей и монастырей, жертвователю на их нужды, известной забавой которого была охота.

Эпидемии, нашествия половцев, природные и небесные явления и конфликты с племянниками – те негативные черты его правления, о которых сообщают источники, что делало в глазах народа его власть непопулярной. Его правление нельзя считать успешным, а болезни не позволили князю полноценно исполнять свои обязанности, что признали даже просеимейные летописцы Мономашичей. Трудно представить, как сложилось бы его княжение, если бы рядом с ним не было его энергичного сына Владимира Мономаха, князя черниговского. Перепоручив дела своим молодым советникам, больной князь плохо контролировал систему управления, где царили мздоимство и неправда. Один из приближенных князя оставил граффито на стене Софийского собора.

Семья Всеволода – это религиозная и образованная семья, где царил внутренний мир, сохранившийся и после смерти киевского князя, а его вдова обладала высоким авторитетом и большими средствами.

Еще при жизни была достигнута договоренность о передаче Киева после смерти киевского князя Святополку Изяславичу. Вероятно, Владимир Мономах сразу после смерти отца колебался в своем решении, но уступил Киев Святополку. Фигуры сыновей Ярослава Мудрого, как и Рюриковичей в целом нуждаются в дальнейшем комплексном исследовании.

Список литературы:

1. Татищев В.Н. История Российская. В 8 т. Т. 2–3. М.: НИЦ «Ладомир», 1995. 688 с.
2. Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. Т. 2–3. М.: Наука, 1991. 832 с.
3. Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М.: Синодальная типография, 1871. 401 с.
4. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 18 кн. Кн. 1. М.: Мысль, 1988. 797 с.
5. Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. М.: Юрайт, 2019. 287 с.
6. Грушевский М.С. Історія України–Русі. В 11 т., 12 кн. Т. 2. Киев: Наук. думка, 1992. 640 с.
7. Пресняков А.Е. Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М.: Наука, 1993. 635 с.
8. Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
9. Вернадский Г.В. Золотой век Киевской Руси. М.: Эксмо-Алгоритм, 2012. 400 с.
10. Толочко П.П. Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наук. думка, 1987. 249 с.
11. Толочко А.П. Князь в Древней Руси. Власть, собственность, идеология / отв. ред. Н.Ф. Котляр. Киев: Наук. думка, 1992. 224 с.
12. Котляр Н.Ф. Удельная раздробленность Руси. Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2013. 270 с.
13. Цветков С.Э. Древняя Русь. Эпоха междоусобиц XI–XIII вв. От Ярославичей до Всеволода Большое Гнездо. М.: Центрполиграф, 2016. 528 с.
14. Войтович Л.В. Княжа доба: портрети еліти. Біла церква: Видавець Олександр Пшонківський, 2006. 784 с.
15. Морозова Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М.: АСТ: Астрель, Харвест, 2009. 560 с.
16. Baumgarten N. Genealoges et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siecle. Orientalia Christiana. № 27. Roma, 1927. 96 p.
17. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI–XIV вв. Вып. 1. Киев: Наук. думка, 1966. 237 с.
18. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. XI. М.: Русские словари, 2004. 288 с.
19. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1970. 327 с.
20. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. 496 с.
21. Житие святого Апостола Андрея Первозванного (перевод с грузинской рукописи Давидгареджийского монастыря) / пер. И. Джавахова // Христианское чтение. 1869. № 8. С. 151–180.
22. Чичуров И.С. «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России: сб. ст. / отв. ред. А.И. Клибанов. М.: Наука, 1990. С. 7–23.
23. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик, 2006. 908 с.
24. Повесть временных лет / пер. Д.С. Лихачева, О.В. Творогова. СПб.: Вита Нова, 2012. 507 с.
25. Рыдзевская Е.А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 66–72.
26. Васильевский В.Г. Труды. Т. 2, вып. 1. Русско-византийские отрывки. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1909. 295 с.
27. Бибииков М.В. Byzantinorossica III. Свод византийских актов свидетельств о Руси (византийские акты X–XIII вв.). 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2018. 304 с.
28. Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–47. Л.: Наука, 1982. 136 с.
29. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных и политических связей IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
30. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2001. 648 с.
31. Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М.: Художественная литература, 1978. 465 с.
32. ПСРЛ. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. 9. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
33. Усачев А.С. «Старость глубокая» в XIV–XVI в.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 1 (55). С. 58–68.
34. Шайкин А.А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С. 105–109.
35. Літопис руський / відп. ред. О.В. Мишанич; за Іпат. списком пер. Л. Махновець. Киев: Днепр, 1989. 590 с.
36. Щапов Я.Н. Государство и церковь, X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 232 с.
37. Шахматов А.А. Повесть временных лет и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 9–150.
38. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М.: Наука, 1972. 520 с.
39. Рюсс Х. Евпраксия-Адельгейда: биографический этюд // Rossica Antiqua. СПб., 2010. № 2. С. 54–112.
40. Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.) / пер. с польского К. Ерусалимского и О. Остапчук. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 879 с.
41. Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 3. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада, 1998. 502 с.
42. Уханова Е.В. Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха // Борисо-Глебский сборник. Вып 1 / ред. К. Цукерман. Париж: Association Des Amis du Centre d’Histoire et Civilisation de Byzance, 2009. С. 117–156.
43. ПСРЛ. Летопись по Воскресенскому списку. М.: ЯРК, 2001. 360 с.
44. Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. Великое наследие; Смех в древней Руси; Заметки о русском. Л.: Художественная литература Ленингр. отд-ние, 1987. 493 с.
45. Абуков С.Н. Влияние фактора рождения от разных матерей на княжеские отношения Рюриковичей (последняя четверть X – начало XI вв.) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 2 (69). С. 41–43.
46. ПСРЛ. Густынская летопись. Т. 40. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.
47. Абрамович Д.І. Києво-Печерський патерик. Киев: Всеукраїнська Академія наук, 1930. 234 с.

48. Слово о полку Игореве / сост. Л.М. Дмитриева и Д.С. Лихачева. Л.: Советский писатель (ленинградское отделение), 1967. 540 с.

49. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.

50. Кежа Ю.Н. Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 16–35.

51. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.

52. Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наук. думка, 1986. 184 с.

53. Соловьев К.А. Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси. IX – первая половина XV в. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1999. 251 с.

54. Дробышева М.М. Граффито № 25 из Софии Киевской: что мы знаем о покупке «Бояновой земли»? // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 1 (48). С. 130–145.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Абуков Сергей Навильевич , кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, источниковедения, археологии и методики преподавания истории; Донецкий национальный университет (г. Донецк, Российская Федерация). E-mail: abukov@bk.ru.	Abukov Sergey Navilyevich , candidate of historical sciences, associate professor of Historiography, Source Studies, Archeology and Methods of History Teaching Department; Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation). E-mail: abukov@bk.ru.

Для цитирования:

Абуков С.Н. Киевский князь Всеволод Ярославич: личность, правление и семейные отношения // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 192–199. DOI: 10.55355/snv2022114205.